

**РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ
(НА ТУЛЬСКОМ ДИАЛЕКТНОМ МАТЕРИАЛЕ)**

Н. А. Красовская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются лексические единицы, относящиеся к тематической группе «Природа. Растительный мир». Автор обращает внимание на особенности их употребления в диалектной речи. В тульских говорах, в частности, отмечается расширенное использование лексем земля, корень, сад, дерюга. Автор пытается определить особенности и некоторые причины употребления названных лексем во вторичной номинации. По мнению исследователя, особенности употребления могут наблюдаться в связи со сложной историей слова, наличием в диалектах древнего значения, которое утратилось или утрачивается в литературном языке. На отдельные факты использования слова в речи может влиять и наличие у него особого, символического значения, делающего саму лексему частью фольклорной традиции. Резюмируя, подчеркнем, что употребление слов тематической группы «Природа. Растительный мир» во вторичной номинации довольно частотно.

Ключевые слова: тематическая группа, семантика, переносное употребление, природа, тульские говоры, лингвокультурология.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-512-18008.

**EXTENSION OF THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS DESIGNING
THE NATURAL PHENOMENON
(ON THE TULA DIALECTIC MATERIAL)**

Nelli A. Krasovskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article considers lexical units related to the thematic group «Nature. Vegetable world». The author pays attention to the features of their use in dialect speech. There is an increased use of tokens land, root, garden, deryuga particularly in Tula dialects. The author tries to determine the features and some reasons for the use of these tokens in the secondary nomination. According to the researcher, the peculiarities of use can be observed in connection with the complex history of the word, the presence in dialects of the ancient meaning, which has been lost or is being lost in the literary language. The presence of a special, symbolic meaning that makes the lexeme itself a part of the folk tradition can also influence individual facts of using the

word in speech. Summarizing, we emphasize that the use of the words of the thematic group «Nature. Vegetable world» in the secondary nomination is quite frequent.

Key words: *thematic group, semantics, portable use, nature, Tula dialects, linguoculturology.*

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Природа для человека с традиционным мировоззрением – неотъемлемая часть жизни. Мир природы дает богатую почву для размышления, формирования взглядов, устоев. Окружающая человека среда влияет и на способы номинирования фактов и явлений быта и бытия.

Надо сказать, что диалектные лексические единицы любой территории и любого языка дают богатые размышления о том, какими способами люди называют мир вокруг. Диалектная лексика отражает историю и культуру этноса, народа, издревле проживающего на определенной территории. Безусловно, территориально маркированные лексические единицы во многом указывает на глубинные процессы формирования культурных смыслов, культурных символов. Находят свое отражение диалектизмы и в фольклоре того или иного народа. Именно поэтому обращение к диалектной лексике всегда связано с постижением традиций жителей того или иного региона, того или иного этноса.

В данном случае мы обратимся к материалу тульских говоров. На наш взгляд, лексика данной группы говоров может быть очень показательна, потому что тульские говоры относятся к говорам, которые можно рассматривать как сложившиеся на территории традиционного заселения русскими, то есть эта группа относится к первичным говорам.

Оговоримся, что в данном случае мы не рассматриваем в рамках статьи общеизвестные значения слов, на основании которых мы и относим их к тематической группе «Природа. Растительный мир», а останавливаемся только на употреблении слов во вторичной номинации или в значениях, которые можно считать устаревающими.

Прежде всего, остановимся на слове *земля* и на его варианте – *земь*. Если обращать внимание на звуковую и грамматическую форму указанных лексем, то следует отметить, что они отличаются окончаниями и отнесенностью к разным грамматическим склонениям. *Земля* принадлежит ко второму субстантивному типу склонения. А *земь* – к третьему субстантивному типу. Следует также обратить внимание на то, что корневая морфема в словах отличается наличием (и отсутствием) результатов чередования, возникшего в результате палатализации согласных.

Мы останавливаемся на двух значениях данных лексем, зафиксированных в тульских говорах: это значение 'снизу, внизу по отношению к чему либо, в нижней части чего-либо' и 'основной цвет, фон, оттенок'.

Если говорить об особенности употребления слова *земля* в значении 'фон, цветовое поле, основа', то практически такую же семантику у этого слова мы встречаем в «Большом академическом словаре»: «8. Поле, фон ткани, обоев, по которому сделан рисунок» [1, с. 716]. Следует заметить, что толкование этого слова в БАСе подтверждается примерами из произведений XIX века, из творчества Лажечникова и Л. Н. Толстого. Наша речевая практика и исследовательская деятельность подсказывают, что данное употребление на сегодняшний день является либо устаревшим, либо устаревающим и сохраняется в диалектной речи. Надо отметить, что слово *земля* в таком значении представлено и в исторических словарях, так, «Словарь русского языка XI-XVII в.» фиксирует семантику «фон, поле, по которому на чем-либо сделан рисунок» [13, с. 377]. В таком же значении слово *земля* отмечается и в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «поле, главный цвет ткани, фон» [14, с. 975] «Словарь русских народных говоров»

(СРНГ) данное значение у слова *земля* не дает.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что употребление слово *земля* в указанном значении довольно традиционно, однако в современном активном употреблении не встречается (выборочный анализ материала Национального корпуса русского языка подтверждает наше предположение), однако в диалектной речи используется довольно последовательно. Так, в тульских говорах нами было отмечено употребление: «*Земля черная, а по ней белая клетка и мутожуки* (с. Малёвка, Богор.). *По земли у нас понёвы были другие*» (д. Пруды. Волов.)

Продолжая анализ, обратимся к лексеме *земь*. Отметим, что мы не принимаем, например, во внимание употребление слова *земь* в значении «земляк, выходец из того же района». Дело в том, что по нашим данным, названная лексема в указанном значении больше характерна для социальных диалектов или жаргонов, хотя не исключено, что природа этого значения – территориально маркирована. Еще раз укажем на близость (и формальную, и семантическую) лексем *земля* и *земь*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского сказано: «земь – то же, что земля» [14, с. 975]. В диалектной речи слово *земь* встречается в значении 'земля, пол, низ'. С такой семантикой слово фиксируется в СРНГ: «Земь, и, ж. Пол (земляной и дощатый). В курных избах пол большей частью земляной, а в светлицах всегда деревянный, но зовется также земью; полом называют замощенное пространство, под коим зимою держат птиц. Трубч., Брян., Карач. Орл., Сполохов. Орл., 1913-1917, Калуж. Пол в избе был обычно земляной, редко деревянный; в обоих случаях называли его земь. Южн., Бломквист.» Земляной пол. Касим. Ряз., 1824. Ряз. Одна половина избыного пола по большей части бывает натуральная из земли, отчего и называется земью. Тул., Ефремов. У меня в хате земь, моста нетути. Брав. Пол в избе называется мостом, если он деревянный и земь, если земляной. Курск., Абрамов. Смазала земь в хате. Ворон. Тамб., Сталингр., Дон., Ставроп., Терек. ...» [6, с. 262]. Следует отметить, что в словаре указывается в основном южнорусская территориальная принадлежность данного слова. В таком же значении данная лексема используется и носителями тульских говоров: «*Как от земли и до потолка сидели у неё куклы, а мы смотреть ходили.* (д. Ново-Архангельское, Одоев.) *А я смотрю: петух из-под земли, из-под ворот, а их уж открывают, так и снесли петуху голову* (с. Стояново. Одоев.)»

Обратимся к иным лексикографическим источникам. В «Словаре русского языка XI-XVII в.» данное значение отмечается у слова *земля*: «2. Низ, основание чего-либо» [9, с. 375]. Можно предположить, что в современном диалектном употреблении слова *земь* сохранилось значение, которое существовало у слова *земля* в древнерусский период. Примеры современной живой разговорной речи, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка, в основном свидетельствуют об использовании данного слова с глаголами *удариться, броситься, кинуться, грохнуться*. Данное использование слова поддерживается и материалами «Фразеологического словаря русского языка», в котором при слове *земь* имеется помета *устар. и простореч.* и приводится фразеологизм *грянуться об земь* [12, с. 437]. Таким образом, можно отметить, что рассматриваемое нами значение слова *земь* поддерживается историческими словарями и данными, однако в настоящее время сохранилось в диалектном употреблении, в современных толковых словарях в таком значении не фиксируется.

Следующая лексема, которая, с одной стороны, непосредственным образом связана с землей, а с другой стороны, представляет собой основную часть природного устройства мира, – это лексема *корень*.

Анализируя материалы словарей и материалы, полученные в ходе полевой работы, мы обратили внимание на то, что слово *корень* имеет в говорах расширенное употребление, которое отсутствует в современном массовом использовании. Так, в с. Непрядва и д. Пруды Воловского района Тульской области неоднократно встречалось

употребление данного слова в значениях 'место, родной дом', 'кладбище, место захоронения'. Такая семантика представлена в следующих контекстах: «А вот там дом стоял, там их корень и есть, дома-то нет, но на корень они всегда приезжают... А еще на корень ходят, там у них все и похоронены, все Хруновы там, вот хоть и космонавт был, а на могилки-то всегда приезжал. Как-то идем, а они там убираются...». Мы сталкиваемся с тем, что слово *корень*, относящееся к тематической группе «Природа. Растительный мир», имеет значение, которое соотносит лексему с предметным и локальным регистрами. В данном случае, при переносе, как мы полагаем, действуют не только механизмы метонимические, но и метафорические, основанные на общности в системе оценок.

Подчеркнем, что СРНГ дает близкую семантику слова *корень*: «17. Родина, родные места. Мой корень там-то (родина, оседлость). Тамб., Даль. Курск. 18. Заселенная земля; жилое место. Тамб., Макаров» [7, с. 323]. Похожее на указанное значение мы встречаем в «Словаре древнерусского языка XI-XIV вв.», в котором имеется следующее толкование: «Происхождение, род, семья, племя» [4, с. 266]. Таким образом, можно предположить, что диалектное употребление слова *корень* в значении 'место, родной дом', зафиксированное нами, схоже с тем, что указано в СРНГ и в некоторых исторических словарях: данная семантика, по нашему мнению, близка древнерусскому значению и несколько расширяет его.

Семантика 'кладбище, место захоронения' представляет собой перенос вышеуказанного значения на основании наличия общих сем. Близость подтверждают и размышления А.Г. Преображенского: «...лит. *kēras выветрившийся, узловатый, ветвистый пенъ, корчъ*; *kerē'ti, kerē'ju расти кустом...*» [2, с. 353]. У М. Фасмера находим: «...лит. *kēras* "куст, корень, засохший пенъ", лтш. *seŋga* "волосы (на голове), особенно растрепанные", *seŋs* "куст", лит. *kirna* "острый пенъ", др.-прусск. *kirno* "куст", лит. *kerē' ti* "пускать корни"» [11]. Можно таким образом предположить, что в русских говорах у корневой морфемы слова *корень* постепенно развиваются семы, связанные со значением 'кладбище, место захоронения' на основании общей семантики вывороченности, места, где осталась яма от удаленного корня.

Таким образом, мы предполагаем, что в диалектной речи у слова *корень*, действительно, имеются значения, которые сейчас воспринимаются как не относящиеся к миру природы, а связаны с локальным или антропоморфным регистрами.

Следующая лексема, которая, можно сказать, является логичным продолжением рассмотрения, – это лексема *сад*. В ходе нашей исследовательской деятельности данная лексическая единица встретилась в значении 'свадебное дерево'. Например, были зафиксированы такие речения (в основном в Воловском районе Тульской области): «*Сидеть за садом. Невеста за садом сидела. Ее за сад сажали...*» (с. Непрядва Волов.). Можно сказать, что данная лексема используется в том же значении, в котором используется слово *ёлка, ель*. Употребление указанных слов с обрядовой семантикой мы неоднократно фиксировали на территории распространения тульских говоров. Наши наблюдения подтверждаются данными СРНГ: «Сад выкупать. В обряд сватовства – наряжать сосну разноцветными бумажками, развешивать на неё подарки. Муром. Влад., Ремезов, 1897» [8, с. 18]. В этом смысле интересно отметить, что, согласно материалам «Славянских древностей», сад является символом девичества, привольной жизни, на которую может кто-то посягать («топтать сад»), украшенное свадебное дерево, действительно, считается символом девичества, прекрасной молодой поры цветения, то есть садом [3]. Надо отметить, что в толковых словарях современного русского языка, разнообразных исторических словарях значения, подобного рассматриваемому, мы не обнаружили.

Следующая лексема, на которой мы останавливаемся, это *дерюга*. Данное слово известно в толковых словарях литературного языка, но обычно имеет помету

обл. Надо сказать, что основной массе носителей языка известно значение, которое не является изначальным. Сама корневая морфема –дер- имеет природную семантику. Если мы приведем данные СРНГ, то окажется, что *дерюга* в значении ‘предмет материальной культуры’ и *дерюга* в «природном» значении рассматриваются как омонимы, первым из которых приводится слово с семантикой ‘толстый, грубый холст’: «1. Дерюга... 1. Толстый грубый холст из сученых охлопков или тряпок, используемый для различных целей. = Дерюга. Скоп. Ряз., 1820. Тамб., Ворон., Курск. Возьми дерюгу, постели да спи. Тул. ...» [5, с. 27]. Далее находим: «2. Дерюга... 1. Безлесное место. Территория б. Ростово-Суздальского княжества, Мельниченко, 1964. II Место, расчищенное из-под леса. Тотем. Волог., 1898. II Небольшая поляна. Устюжн. Волог., 1898. 2. Мн. Небольшой лесок, выросший на очищенном от леса месте или в поле...» [5, с. 28]. Надо отметить, что в тульских говорах рассматриваемая лексема также употребляется в значении ‘грубый холст, половик из грубого холста’. В данном случае мы встречаемся еще с одним вариантом изменения значения лексемы, которое в силу семантики корня относилось к тематической группе «Природа. Растительный мир»: значение данного слова настолько изменилось, что в основном в разговорной или диалектной речи оно функционирует для обозначения реалии предметного мира, но уже не растительного.

Приведенные выше данные и анализ лексикографического материала и материала, полученного в ходе проведения полевых исследований, свидетельствует, что семантика лексем, относящихся к тематической группе «Природа. Растительный мир», довольно последовательно взаимодействует с тематической группой «Человек», а также системно изменяется за счет использования для обозначения предметов, явлений и мест.

Процесс расширенного употребления лексем, относящихся к тематической группе «Природа. Растительный мир», в говорах может быть отчасти обусловлен наличием древнего значения, которое утратилось в литературном языке (*земь* – ‘низ, пол’); устареванием семантики, которая была представлена в литературном языке, но в настоящее время практически не встречается в живой разговорной речи (*земля* – ‘фон, поле’); наличием локальной семантики, которая развилась именно в говорах (*корень* – ‘кладбище’); использованием лексемы для обозначения обрядовых явлений, как определенного символа (*сад* – ‘свадебное дерево’); постепенным нивелированием «природной» составляющей семантики (*дерюга* – ‘грубый холст’). Основа для употребления слов тематической группы «Природа. Растительный мир» в иных значениях может быть различна, как мы выяснили, она может быть обусловлена древней историей слова, его локализацией, наличием дополнительного символического значения.

Список источников и литературы

1. *Большой академический словарь русского языка. Т. 6. М.; СПб: Наука, 2006. 825 с.*
2. *Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Тип. Э. Лиснера и Д. Совко, 1910. 716 с.*
3. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.*
4. *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10-ти т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 511 с.*
5. *Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1973. 369 с.*
6. *Словарь русских народных говоров. Вып.11. Л.: Наука. 1976. 363 с.*
7. *Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л.: Наука, 1978. 375 с.*
8. *Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб: Наука, 2002. 344 с.*

9. *Словарь русского языка XI-XVII в. Вып.5. М.: Наука, 1978. 392 с.*
10. *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской АН, 1903. [1] с., 1684, 272 стб., 13 с.*
11. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // Gufo.me: [сайт]. 2005-2020.
URL <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C> (дата обращения: 15.12.2019).*
12. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.*

References

1. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 6. Moscow; St. Petersburg: Nauka publ, 2006. 825 p.*
2. *Preobrazhenskiy A.G. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. M.: Printing house of E. Lissner and D.Sovko, 1910-1914. 680 p.*
3. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol.4. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya publ, 2009. 656 p.*
4. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian language of the 11th –14th centuries]. Ch. ed. R.I. Avanesov. T.3. M.: Russkiy yazyk publ, 1990. 511 p.*
5. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 8. L.: Nauka publ, 1973. 369 p.*
6. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 11. L.: Nauka publ. 1976. 363 p.*
7. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 14. L.: Nauka publ, 1978. 375 p.*
8. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 36. St. Petersburg: Nauka publ, 2002. 344 p.*
9. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 5. Moscow: Nauka publ, 1978. 392 p.*
10. *Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1903. 996 p.*
11. *Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. [Electronic resource] // URL <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C> (accessed: December 15, 2019)*
12. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of modern Russian literary language]. Ed. A.N. Tikhonov. Vol. 1. Moscow: Flint: Nauka publ, 2004. 832 p.*

Сведения об авторе

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и
литературы ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого»
(e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru).

Information about the Author

Krasovskaya Nelli Alexandrovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian
language and literature of Tula State Lev
Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru).